

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, г. Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, г. Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук, (Москва, Россия)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н., (Улан-Удэ, Россия)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, г. Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Оренбург, Россия)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Челябинск, Россия).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Moscow, Russia)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Ulan-Ude, Russia)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Kemerovo, Russia)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Orenburg, Russia)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Chelyabinsk, Russia)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Комплекс Аксай-1
(к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней
Центрального Казахстана) 7
- Голвченко Н. Н.* «No connection»: расстёгнутый пояс в погребальной
обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа 24
- Федорук О. А.* Детские погребения с украшениями в андроновских
(федоровских) некрополях степного и лесостепного Алтая 36
- Пигарев Е. М.* Русские вещи из золотоордынской столицы — города
Сарай ал-Джедид (к вопросу о расселении русских в золотоордынских
нижневолжских городах) 49

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Авдашкин А. А., Салганова Е. И.* Евразийская миграционная система:
региональные ракурсы функционирования (на примере Южного Урала) 67
- Ярков А. П.* Средняя Азия и Западная Сибирь во второй половине XVI в.:
политические и этнокультурные связи 82
- Мухамадеев А. Р.* О преступлениях и наказаниях в кыпчакском сообществе
(XI–XIV вв.) 92
- Атдаев С. Дж.* Круговые обходы в обрядовой практике туркмен 107

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Арсенина О. В.* Теологическое и эмпирическое осмысление ценностного
(религиозного) потенциала прихожан православных храмов города Владимира
в контексте актуализации социального благотворительного служения 128
- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А.* Буддизм Илийской долины
XII — начала XIII в.: о находках предметов буддийского культа на городище
Талгар И. И. Копыловым 145
- Ильин В. Н.* Старообрядчество на Алтае во второй половине XIX —
начале XX в. 161
- Недзельюк Т. Г.* «Письма во власть»: рефлексия мигрантов Западной
и Восточной Сибири относительно государственно-конфессиональной
политики (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) 174
- ДЛЯ АВТОРОВ** 184

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D.</i> The Aksai-1 complex (to the studying of ancient anthropomorphic statues and deer stones of Central Kazakhstan).....	7
<i>Golovchenko N. N.</i> “No connection”: unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the upper ob region of the early iron age	24
<i>Fedoruk O. A.</i> Children’s burials with jewelry in the andronovsky (fedorovsky) necropolises of the steppe and forest-steppe Altay.....	36
<i>Pigarev E. M.</i> Russian things from the golden horde capital-the city of Saray al-Jedid (on the question of the settlement of russians in the golden horde lower volga cities).....	49

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Avdashkin A. A., Salganova E. I.</i> Eurasian migration system: regional areas of functioning (on the example of the South Urals)	67
<i>Yarkov A. P.</i> Central Asia and Western Siberia in the second half of the XVI century (political and ethnocultural relations)	82
<i>Mukhamadeev A. R.</i> On crimes and punishments in the kypchak community (XI–XIV centuries).....	92
<i>Atdaev S. J.</i> Circulars in the ritual practice of Turkmen	107

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Arsenina O. V.</i> Theological and empirical understanding of the value (religious) potential of parishioners of orthodox churches in the city of Vladimir in the context of actualization of social charity service.....	128
<i>Mukhtarova G. R., Zheleznyakov B. A.</i> Buddhism of Ily valley of the XII — beginning of the XIII centuries. Finds of I. I. Kopylov objects of buddhist rite from the talgar site	145
<i>Ilyin V. N.</i> Old Believers in Altai in the second half of the 19th — early 20th centuries.....	161
<i>Nezelyuk T. G.</i> “Letters to the authorities”: reflection of migrants of Western and Eastern Siberia on state and confessional policy (second half of the XIX — first quarter of the XX centuries)	174

FOR AUTHORS	184
--------------------------	-----

УДК: 93/94

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–06

А. Р. Мухамадеев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия)

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ В КЫПЧАКСКОМ СООБЩЕСТВЕ (XI–XIV ВВ.)

Статья направлена на выявление и анализ преступлений и наказаний, которые применялись среди кыпчаков. Исследование показало, что у кыпчаков система наказаний была достаточно развитой. Несмотря на то, что немалая часть исследователей считает, что кыпчаки руководствовались не правом (обычным правом), а обычаями, вопрос остается открытым и отрицание существования норм обычного права у кыпчаков не вполне правильно. Часть ученых стоит на позиции, что право может существовать и без государства в классическом понимании этого слова, и приводят свои весомые аргументы.

Одними из тяжких преступлений в кыпчакском обществе, кроме убийства, считались конокрадство и угон скота, прелюбодеяние, за которые налагались наиболее жесткие наказания. Из наказаний можно назвать смертную казнь, заточение в оковы, под стражу, телесные наказания и др. От смертной казни за преступления можно было отделаться композиций, т. е. откупиться у потерпевшей стороны материальными средствами. За конокрадство, например, вор должен быть отдать пострадавшему девять коней, кроме украденного. Если не было средств, у вора отнимали детей, если же не было детей, он подлежал смертной казни.

Несмотря на недостаточность исторических источников, отдельные подсказки могут предоставить памятники народного творчества общетюркского характера и историко-этнографические материалы тюркских народов.

Ключевые слова: кыпчаки, преступления, наказания, месть, убийство, конокрадство, кража скота, оковы, темница, нарушение обязательств.

Цитирование статьи:

Мухамадеев А. Р. О преступлениях и наказаниях в кыпчакском сообществе (XI–XIV вв.) // Народы и религии Евразии. 2021. № 3 (26). С. 92–106.

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–06

A. R. Mukhamadeev

Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia)

ON CRIMES AND PUNISHMENTS IN THE KYPCHAK COMMUNITY (XI–XIV CENTURIES)

The article is aimed at identifying and analyzing crimes and punishments that were used among the Kypchaks. The study showed that the Kypchaks' system of punishment was quite developed. Despite the fact that a considerable part of the researchers believe that the Kypchaks were guided not by law (customary law), but by customs, the question remains open and the denial of the existence of customary law among the Kypchaks is not entirely correct. Some scientists take the position that law can exist without the state in the classical sense of the word and give their arguments.

One of the grave crimes in Kypchak society, in addition to murder, was considered horse theft and cattle stealing, adultery, etc., for which the most severe punishments were imposed. Of the punishments, one can name the death penalty, imprisonment, custody, corporal punishment, etc. The death penalty for crimes could be dispensed with compositions; buy off from the injured party with material means. For horse stealing, for example, the thief must give the victim nine horses, except for the stolen one. If there was no money from the thief, children were taken away, but if there were no children, he was subject to death.

Despite the lack of historical sources, some clues can be provided by monuments of folk art of a general Turkic character and historical and ethnographic materials of the Turkic peoples.

Keywords: Kypchaks, crimes, punishments, revenge, murder, horse stealing, cattle theft, chains, dungeon, violation of obligations.

For citation:

Mukhamadeev A. R. On crimes and punishments in the kypchak community (XI–XIV centuries). *Nations and religions of Eurasia*. 2021. № 3 (26). P. 92–106.
DOI: 10.14258/nreur(2021)3–06

Мухамадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия). Адрес для контактов: almazrm42@mail.ru

Mukhamadeev Almaz Raisovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia). Contact address: almazrm42@mail.ru

Введение

Заметные успехи и достижения в изучении истории кыпчаков с 1990-х гг. по настоящий момент позволят сделать в дальнейшем разноплановые и многогранные изыска-

ния в этом направлении, в том числе междисциплинарного характера. В отличие от советской исторической науки, когда в «кыпчаковедении» главный упор делался на анализ русско-половецких взаимоотношений, хозяйства, результатов археологических раскопок и прочего, которые актуальны и сегодня, в последние десятилетия спектр охвата изучения кыпчакской истории существенно расширился и углубился. Конечно, нынешнее состояние отечественного «кыпчаковедения», по сравнению с развитием этого направления в казахстанской исторической науке, вряд ли можно сравнить с состоянием отечественного «ордынovedения», которое, как констатирует Р. Ю. Почекаев, в настоящее время находится на взлете. На сегодняшний день изучение истории Золотой Орды характеризуется междисциплинарным взаимодействием ученых и введением в научный оборот ранее не изученных по разным причинам источников. В результате уделяется внимание таким аспектам истории этого государства, которые ранее не затрагивались, в том числе истории права, юридической науки [Почекаев, 2020: 738–739].

Проблемы изучения права кыпчаков

Несмотря на то, что с источниками по истории кыпчаков дело обстоит посложнее, отечественными и казахстанскими учеными также исследуются и получают новое развитие ранее плохо изученные или вовсе не затронутые аспекты: ментальность, религиозные мировоззрения, идеология, проблемы государственности и права и пр. Сфера изучения права кыпчаков представляет собой одну из трудных областей в части получения полноценных результатов. Это объясняется не только отсутствием письменных источников права у этих кочевников, но и заметной малочисленностью сведений по истории их права. Порой эти сведения приходится не просто выискивать в текстах исторических источников, собирать их по крупицам, а «читать между строк», привлекать памятники устного народного творчества, историко-этнографические материалы потомков кыпчаков и т. д. В научно-исторической литературе вопросы права кыпчаков затрагиваются лишь вскользь, как правило, в контексте исследования других областей их жизнедеятельности. Поэтому говорить о полноценной историографии по истории права кыпчаков, наверное, пока еще рано. Исключения составляют отдельные дискуссионные статьи о наличии или отсутствии в кыпчакском обществе правоотношений в целом и некоторые статьи о частнопроводных взаимоотношениях у кыпчаков. Уголовно-правовому направлению внимание практически не уделялось, что мы и попытаемся восполнить по мере возможностей.

Изучение не столь многочисленных сведений из исторических источников о преступлениях и наказаниях в кыпчакском сообществе, а также их сравнение с сообщениями о таковых у других тюркских народов и раннесредневековых тюрко-монгольских государственных образований позволяют утверждать, что в целом у кыпчаков, которые руководствовались традициями и обычаями своих предков, они имели характер общетюркских принципов и норм обычного права.

Результаты исследования преступлений и наказаний в кыпчакском сообществе

Объектами преступных посягательств, как и в других обществах, были личность и имущество. О подразделении преступлений на категории конкретных свидетельств

не имеется. Вместе с тем С. Максуди пишет, что деление преступлений на тяжкие и легкие существовало еще со времен азиатских хуннов [Садри Максуди, 2002: 175]. Наказания за преступления применялись исходя из тяжести содеянного, однако, как и во всех языческих обществах, мягкостью они не отличались. Конечно же, при этом необходимо учитывать субъективность наших суждений о мягкости или тяжести преступлений и наказаний в ранние периоды истории, которые мы довольно часто сравниваем с принципами современной морали, справедливости и гуманности. По отношению к древним и средневековым обществам с многовековыми социальными и религиозно-мировоззренческими устоями подобная оценка была бы неуместной.

О характере, особенностях и деталях уголовного права у кыпчаков известно не так уж много. Общие принципы признания полноправности члена общества у древних тюрков (возраст, совершение какого-либо подвига, участие в бою и т. д.) не дают информации об определенном (конкретном) возрастном цензе для субъектов преступлений. Нет конкретной информации также о делении преступлений на умышленные и неумышленные. Хотя можно предположить, что противоправное непредумышленное деяние не освобождало от ответственности. В этом отношении показательна пословица из «Дивану лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари: «Бошлагланса бохсукланур», что переводится как «Будешь действовать неразумно (несогласованно, зазнаешься), оденешь колodки» [Кашгари, 1984: 116]. Также не имеется точной информации о том, являлись ли субъектами преступлений все члены общества, включая пленников и рабов, разграничивало ли обычное право кыпчаков убийство хана или знатного кыпчака от убийства рядового кочевника, хотя это было бы в порядке вещей.

Частный характер права в раннегосударственных образованиях определялся тем, что преступление считалось не нарушением закона или воли правителя, а причинением морального или материального вреда конкретно взятому лицу или группе лиц. В Древней Руси личность самого князя, например, как объекта преступного посягательства, рассматривалась в качестве физического лица, отличавшегося от других членов общества только высоким положением и привилегиями. Но так ли обстояли дела у кыпчаков, неизвестно.

Одним из наиболее тяжких преступлений против личности, конечно же, было убийство. За совершение убийства полагалась смертная казнь [Кумекоев, 2006: 477]. Вместе с тем опять-таки неизвестно, имели ли влияние на оценку тяжести убийства в кыпчакском сообществе разноречие и разноплеменность. Ведь в предмонгольский период кыпчакское сообщество насчитывало более десяти крупных объединений (орд), состоявших из множества разношерстных племен, в разное время среди них, кроме кыпчаков-язычников, зафиксированы православные, католики, мусульмане. Так, например, в древних и средневековых обществах убить человека ближнего порядка считалось более преступным, чем человека из другого рода, племени, тем более, придерживающегося других религиозно-мировоззренческих принципов, а лишить жизни кого-нибудь поважнее, познатнее из своих, было еще преступнее.

В случае с убийством специфика взаимоотношений в кыпчакском, и целом тюрко-монгольском сообществе делает необходимым напомнить о таком специфическом явлении, как карымта, как убийство из кровной мести. С. А. Плетнева пишет, что у полов-

цев «одним из основных законов-обычаев была кровная месть, несомненно, являвшаяся анахронизмом в классовом обществе» [Плетнева, 1990: 141]. Кровная месть убийце или его родственникам со стороны родственников убитого довольно долго сохранялась у некоторых потомков кыпчаков, например, у башкир. Карымта как способ возмездия была не столько правом, сколько обязанностью пострадавшей стороны. Неисполнение и отказ от карымты считались позором. О существовании у кыпчаков практики заменять кровную месть выкупом утверждать затруднительно, так как случаи уплаты штрафов и композиционных выплат за убийство с последующим примирением сторон в исторических источниках прямо не зафиксированы. Однако наличие частной собственности на скот позволяет предположить это.

Башкирские ученые, например, о своих предках-аристократах пишут, что хотя они и имели особый статус, общим правилом была норма, гласящая о необходимости следования ханом установлениям страны [Еникеев, Еникеева, 2007: 129]. В свете сказанного обратимся к истории древнерусского общества, где за убийство предполагались фиксированные штрафы, которые зависели от знатности убитого и его положения в обществе. Существовала большая разница в суммах штрафов за убийство отдельных категорий людей: князя, дружинника, общинника, холопа и т. д.

Соблюдение обычая в древних и раннесредневековых обществах считалось высоким нравственным и религиозным долгом. Исключением не стал и обычай кровной мести. Убийство члена общины чужим вызывало желание кровной мести. Обычай кровной мести как правило поведения не может быть отнесен к категориям моральных или правовых норм, отмечает Р. Д. Хачатуров. Месть — институт и явление общечеловеческое. Всечеловеческий характер кровной мести объясняется необходимостью защищать свободу, жизнь и имущество. Другого способа защиты не существовало. Вместе с тем, как отмечает исследователь, «обязанность мести — это и высокий нравственный и религиозный долг, забвение которого порождает изгнание из рода, и, наоборот, месть влекла за собой общий почет» [Хачатуров, 1988: 172].

Стремление родственников погибшего прибегнуть к кровной мести зафиксировано и в летописях Рашид ад-Дина. Под 1296 г. он пишет: «В том же году между Токтаем, государем Кипчакского улуса, и Нокаем, сыном Тутара, случилась война. Нокай был убит, и люди его разбежались. Чопай-хатун, жена Нокая, и Турай, его младший сын, явились на служение к государю ислама (мамлюкскому султану Египта. — А. М.) и просили помощи для отмщения за кровь Нокая. Государь ислама по доброте [своей] их ублажал и старался утешить их гнев» [Рашид-ад-дин, 1946: 169]. Как можно понять из указанного сообщения, жена и сын Ногая фактически просили помощи в низвержении хана Токтая (Тохту) с престола, означавшее войну между двумя государствами, что, конечно, не входило в планы правителя мамлюкского Египта. В принципе у Турая были серьезные претензии к хану Золотой Орды Токтаю (правил с 1291 по 1312 г.) и основания для мести. Ведь именно «вершитель судеб» золотоордынских правителей Ногай помог достичь Токтаю престола, по вине которого он и погиб.

Трудно не согласиться и с выдвинутыми предположениями М. Д. Шаргородского о том, что «в условиях родового строя понятие отдельной личности неизвестно... Мстит не человек человеку, а племя племени» [Шаргородский, 1957: 11]. Коллектив-

ная ответственность стала определяющим началом рода. Ответственность за убийство (как месть) вместе с совершившим его, разделял и его род. Однако по мере развития общественных отношений в большинстве обществ происходит ограничение права мести и, в конце концов, кровная месть заменяется другими мерами ответственности и наказания, но месть отдельно взятых людей сохранялась долго.

Одним из других самых тяжких преступлений в кочевом обществе издревле считалось конокрадство и угон скота. Несомненно, что и кыпчаки, как прирожденные кочевники, относились к конокрадству и краже скота, обеспечивающих их жизнедеятельность, более чем серьезно. Так, китайские источники, относящиеся к периоду правления основателя тюркского каганата Бумын-кагана, от кражи другого имущества различают «кражу коня на привязи» [Садри Максуди, 2002: 230]. Это дает основание предполагать, что конокрадство как особый вид кражи выделялось не только само по себе, но, возможно, как тяжкое преступление имело и свою классификацию по нормам обычного права.

Ибн Баттута (1304–1377 гг.) в своих наблюдениях по пути в ставку хана Узбека в город Сарай — столицу Золотой Орды — отмечал множество скота в кыпчакской степи. Отсутствие пастухов и сторожей над стадами он объяснял строгостью постановлений у кыпчаков за воровство. По словам арабского путешественника, наказание за конокрадство было следующим: «Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же (коней), а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца» [История Казахстана, 2005: 211].

Сюжеты, связанные с конокрадством, сохранились и в тюркских памятниках устного народного творчества. Так, по сюжету древнего эпического произведения общетюркского характера «Алтан Саин Суме» герой-богатырь идет выбирать себе коня. Раб-табунщик, к которому обратился герой, обвиняет его в воровстве, за что тот жестоко расправляется с табунщиком [Урманчиев, 1984: 106]. Как видно из сюжета, даже обвинение в конокрадстве могло привести к печальным последствиям (особенно, если это обвинение ошибочное или ложное).

Впрочем, наказание за это преступление было строгим не только у кочевых народов. Согласно Русской Правде за конокрадство устанавливалось самое строгое за такого рода преступления наказание — поток и разграбление, т. е. превращение преступника и членов его семьи в рабов с конфискацией всего имущества.

Здесь уместно будет упомянуть еще об одном специфическом явлении в тюрко-монгольском, в том числе кыпчакском, сообществе — барымте как спланированном набеге на другое (обычно недружественное или враждебное) племя с целью захвата материальных ценностей, объектом которого у кочевников, как правило, становились стада. Барымта предполагала обязательную ответную реакцию со стороны пострадавшего, а значит, оскорбленного рода, племени. Она могла совершаться и по отношению к другим этнически неродственным родам и племенам, превращаясь в данном случае в некую полномасштабную военную операцию, с привлечением как можно больше боевых способных мужчин.

Несмотря на то, что формально барымта считалась делом добровольным, фактически общество осуждало «уклонистов». Удачно совершенная барымта не только сулила богатые трофеи, лучшая доля которых доставалась предводителям и организаторам набега, но и поднимала престиж всех ее участников. Они, исполняя социальную роль воинов, подтверждали и доказывали свой полноправный статус в обществе. Принято считать, что основной функцией барымты являлось не столько улучшение материального положения рода и племени, барымта служила единению, сплочению племени. Учитывая, что в мирное время общественные задачи решались на уровне родов, а функции племени заметно теряли свою значимость, находчивые и амбициозные предводители племен искали возможность укрепить и показать свою власть и влияние, организуя удачную барымту, напоминающую полувоенную операцию. Невозможность или неспособность племени в полном объеме ответить на барымту, т. е. совершить подобную ответную акцию, ставила под серьезное сомнение дееспособность и возможности племени как самостоятельного, организованного единого общества.

Исследователи, как правило, отмечают наличие у кыпчаков имущественного неравенства и частной собственности на разнообразные средства производства, прежде всего на скот. В скотоводческом хозяйстве, пишет С. А. Плетнева, упоминая сообщение Ибн Баттуты о наказании за конокрадство, при необозримости стад этот жесткий закон был абсолютно необходим степнякам. Однако он, видимо, не исключал «разбойничьего обычая» барымты — угона скота с соседнего кочевья, по существу массового воровства. С барымтой приходилось бороться уже силой и властью, с привлечением на свою сторону какого-нибудь могущественного правителя, под контроль которого охотно шли степные группировки, способствуя образованию в степях новых кочевых объединений [Плетнева, 1990: 141].

В данном случае кражу коней у сородичей, соплеменников и представителей дружественных родов и племен, т. е. «криминальную» кражу, необходимо отличать от такого специфического кочевническо-степного явления, как барымта, довольно часто практиковавшегося не только среди племен кыпчакского сообщества, и не только в тот период. В целом, скорее всего, в случае с барымтой (в ответном случае) и карымтой необходимо видеть не наказание виновных, а восстановление справедливости, равновесия и порядка. В целом, обычное право в принципе воспринималось обществом как воплощение справедливости, по причине чего санкции не носили твердо установленного характера. Вместе с тем соблюдение некоторых установленных процедур (ответные действия при барымте и убийстве сородича) было делом не только обязательным, но и делом чести.

Смертной казни кыпчаки подвергались и за прелюбодеяние [Кумекоев, 2006: 477]. Применение наказания в кыпчакском обществе за прелюбодеяние подтверждается историческими источниками. Так, секретарь мамлюкского султана Ибн-Фадлаллах ал-Умари (1301–1349 гг.) в «Путях взоров по государствам разных стран» пишет, что кыпчаки, несмотря на исповедование ими мусульманской религии, все-таки преступают ее нормы и правила. В то же самое время, как утверждает арабский ученый, часть из них придерживается Ясы Чингизхана. Далее он пишет о неминуемом и жестоким наказании за прелюбодеяние [История Казахстана, 2005: 174].

Ал-Умари утверждает то, что смертная казнь также полагались за измену и мятеж, «остальные же преступления против личности, кражи имущества карались возмещением краденого в девятикратном размере». Далее ал-Умари пишет относительно власти правителей кыпчаков, «когда они разгневаются на одного из своих подданных, то отбирают его имущество и продают детей его. Точно так же, когда у кого что украдено, то имущество вора и дети его присуждаются обворованному, который и продает их» [История Казахстана, 2005: 174]. Ради справедливости надо отметить, что, по мнению ученых-историков, многие сведения, изложенные в произведениях ал-Умари, не встречаются ни у одного автора.

О наказании за измену и мятеж в древнетюркском обществе по китайским источникам писал Н. Я. Бичурин [Бичурин, 1950: 230–231]. Другое дело, что исследователи не все согласны с существованием самих этих понятий в ранних обществах и государственных образованиях.

В указанном труде ал-Умари пишет о наличии жестоких наказаний и за такие преступления, как ложь и нарушение обязательств и договоров [История Казахстана, 2005: 174].

В источниках встречаются сообщения о том, как обвиняемых в преступлении людей или преступников кыпчаки заковывали в оковы. В «Codex Cumanicus» сохранилась даже загадка: «Обрубок дерева покрыла шашель»; ответ: «Это пленник в оковах» [Гаркавец, 2007: 78]. Джувейни дает описание переговоров Джелал ад-Дина с кыпчакскими лидерами. В том числе он приводит мотивацию теплых отношений, сложившихся между ними. Согласно автору, во время правления султана Мухаммада кыпчаки подверглись гонениям, их «заковали в цепи». Однако вмешательство Джелал ад-Дина спасло их [Ата-мелик Джувейни, 2004: 311]. Конечно, что здесь надевают оковы на самих кыпчаков, но учитывая, что Хорезмских двором фактически «заправляла» бабушка Джелал ад-Дина и мать Мухаммада Теркен-хатун (кыпчакского происхождения), а в хорезмском дворе и в войске было много кыпчаков, этот пример можно отнести и к ним.

Другое дело, что содержание в оковах преступников или неугодных людей было характерно не только для тюрко-монгольских, но и практически всех обществ. Тем не менее у монголов это зафиксировано заметно чаще, что видно из летописей Рашид-ад-Дина, в том числе тех, где фигурирует и сам Чингизхан: «Положение (малолетнего. — А. М.) Чингиз-хана неоднократно становилось плохим, несколько раз племена тайджиут использовали благоприятный случай [напасть] на него и заключали его в оковы, а всевышняя истина спасала его [из этих положений]» [Рашид-ад-Дин, 1952: 65]. Другое сообщение Рашид ад-Дина из назидательных рассказов Чингиз-хана: «Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза [ее] нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кулджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определяют ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб (нормы поведения. — А. М.), и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» [Рашид-ад-Дин, 1952: 264].

Намеки на некоторые виды преступлений и наказаний, в том числе казней, применяемых в кыпчакском обществе, мы можем найти в народном фольклоре. В последнем примере мы видим, как неоднократного нарушителя Ясы в оковах должны поместить в темницу. Трудно сомневаться в том, что кыпчаки также имели причины для заключения подозреваемых под стражу или ареста виновных, в том числе их помещения в темницу. Отзвуки этого мы можем найти в татарском народном фольклоре, в частности, в памятнике устного народного творчества об Алпамыше, которую В. М. Жирмунский определяет как кыпчакскую версию наряду с башкирской и казахской версиями [Жирмунский, 1974: 168]. Так, в татарском дастане «Алпамыш» царь Кылтап захватывает Алпамыша в плен и заключает его в глубокую яму специального назначения — зиндан, где тот проводит несколько лет. Спасает эпического героя из подземной тюрьмы (но не из плена), накрытой сверху железной решеткой, дочь вражеского царя, когда он предварительно соглашается жениться на ней [Урманчиев, 1980: 48; Урманчиев, 1984: 122, 125–126]. В некоторых случаях описываются детали устройства зиндана, куда заключили Алпамыша, — яма, не выступающая из земной поверхности, стены которой покрыты отлитым чугуном. Сверху зиндан закрывается чугунной решеткой [Алпамыш, 1963: 39–40]. Предположить наличие у кыпчаков зинданов как подземных темниц, тюрем, куда помещались обвиняемые и преступники, вполне логично. В бескрайней степи, где далеко не везде можно было найти камней и деревьев, подземная тюрьма становится не только лучшим, но и единственным местом, где было бы можно изолировать от общества преступные элементы. Такой способ заключения практиковался у степных народов издревле, в частности, у хунну.

Сыма Цянь о преступлениях и наказаниях в обществе хунну писал так: «Согласно их законам, всякий без причины извлекший из ножен меч [хотя бы] на один *чи*, подлежал казни, у виновного в краже отбиралось все его имущество и семья. За мелкий проступок били палками и, за крупное преступление предавали смерти. Срок тюремного заключения не превышал десяти дней, а во всем (сюннуском) государстве число заключенных не превышало нескольких человек» [Сыма Цянь, 2002: 330]. Е. И. Кычанов сообщает о том, что число заключенных во всем государстве хунну не превышало нескольких человек, а срок заключения не превышал десяти дней, видит в официально установленном, непродолжительном сроке для рассмотрения дел. Констатирует, что и в Китае тюремное заключение не было видом наказания, тюрьмы были только следственными, т. е. обвиняемый содержался в тюрьме только во время следствия, суда или в ожидании исполнения приговора. И что для нас важно, ссылаясь на более верный перевод В. С. Таскина, Е. И. Кычанов пишет, что тюрьмами у хунну служили ямы, в частности ямы для хранения зерна [Кычанов, 2010: 32].

Н. Я. Бичурин сообщает о тюрьмах, что «обыкновения их вообще сходны с хуннскими», и перечисляет преступления и наказания, практикующиеся в обществе древних тюрков: «По их уголовным законам: бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади — наказываются смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела, платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против

стоимости покражи» [Бичурин, 1950: 230–231]. Эти сведения дали основание предположить Е. И. Кычанову, что «у тюрков имела место и общесемейная ответственность» [Кычанов, 2010: 131].

В данном случае нужно заметить откровенную схожесть многих преступлений и наказаний у древних тюрков и кыпчаков, только отмеченных в исторических источниках (смертная казнь за мятеж, измену, прелюбодеяние, конокрадство и пр.). В этом состоит как консервативность кочевого общества, так и этническая близость, преемственность традиций и норм обычного права степняков.

Стоит остановиться и на рассуждениях Е. И. Кычанова о некоторых деталях ответственности за преступления и общем состоянии права у древних тюрков. Как пишет исследователь, кражи имущества (особенно кража лошадей) карались композицией, возмещением краденого имущества в десятикратном размере. Возможно, продолжает он, различие мер наказания за стреноженную лошадь и лошадь, свободно пасущуюся на свободе, проистекало из меры нуждаемости в данной лошади ее хозяина, причем не только материальной. Владелец «спутанной» лошади мог быть недалеко, и она в любой момент могла ему понадобиться. Обращает внимание на то, что женщины у древних тюрков приравнивались к имуществу, так как шли в уплату композиций за некоторые уголовные преступления. В целом, делается вывод, что надо быть практически уверенным в том, что право у древних тюрков было более разработанным, чем об этом сообщают китайские хроники [Кычанов, 2010: 131]. Действительно, подготовленность коня в путь может объяснить его необходимость хозяину именно в это время. Дело не только в потере самого коня, его хозяину может угрожать опасность, возможно, и смертельная. При барымте нет смысла угонять одну или несколько «спутанных лошадей», в таком случае угонялись пасущиеся стада.

Интересны сведения о наказании у хунну за мелкие преступления битьем палками. Хотя у кыпчаков формально такого наказания не зафиксировано, известно, что битье палками или батогами применялось у многих тюрко-монгольских народов (например, у киданей, сяньби, монголов, дунайских болгар и пр.). Так, Д. И. Иловайский вслед за Ю. Венелиным среди обычаев дунайско-болгарских правителей назвал биение пойманного вора дубиной по голове [Иловайский, 1874: 97]. Как логично утверждал П. Шафарик, эти обычаи правителей дунайских болгар, в частности, «биение пойманного вора по голове...», решительно не славянские [Шафарик, 1847: 272].

Много наказаний палками наблюдается в исторических источниках о монголах. Так, сообщается, что при Хулагу-хане: «тебризский мелик Садр-ад-дин и Али-мелик, который был хакимом Ирак-и Аджама и части Хорасана, отделались каждый несколькими палочными ударами» [Рашид-ад-Дин, 1946: 59]. Рашид-ад-Дин сообщает сведения о Йису-Бука-гургене, «который доложил на служении Абага-хану слова Маджд-ад-дина о могуществе мисрского (египетского) войска, и что он «заодно с мисрцами, которые являются врагами. Вышел указ, чтобы Маджд-ад-дина сына Асира, схватили. Его допросили об этих речах и в судебном допросе нанесли ему свыше ста палочных ударов, но вина его не была доказана, и его выдали сахиб-дивану» [Рашид-ад-Дин, 1946: 59]. В целом у Рашид-ад-Дина показано немало случаев наказания палками.

О применении в кыпчакском обществе ордалий при определении виновности (или невиновности) подозреваемого в преступлении сведений не имеется. Некоторую подсказку можно найти лишь в народном фольклоре. Так, в сказании общетюркского характера «Кузы-курпяч и Баян-сылу» герой прижимает горячий курмац (жаренные в котле пшеница или ячмень) к груди матери. Мать, не выдержав боли, была вынуждена рассказать Кузы правду о его нареченной. Описанный мотив имеется в подавляющем большинстве этнических версий, а также в большинстве нартских сказаний. У.Б. Далгат считает, что подобные методы допрашивания могут быть сопоставлены с историческими данными: «Форма подобного допроса, запечатленная в эпосе, имеет свои исторические аналогии в древнеиранском праве судебных испытаний, так называемых ордалий; подобные испытания обвиняемого были зафиксированы и на Кавказе... Судебные испытания иранцев проводились огнем либо с помощью кипятка, из которого испытуемый должен был вынуть кольцо» (цит. по: [Урманчеев, 1984: 176]).

Суды и судьи у кыпчаков

Среди кыпчаков наверняка были свои судьи, осуществляющие правосудие по обычаям предков. С. С. Бобчев, изучавший древнеболгарское право, писал, что судьи были и первыми законодателями, и первыми исполнителями народных решений и приговоров. Судьи выбирались из среды достойных людей общества, жрецов, знати, решения которых одобрялись всеми присутствующими. Общество своим присутствием и одобрением придавало силу решению, которое в дальнейшем становилось обычаем. Сила обычая коренилась в народном сознании, как решил судья — так должно быть добро и справедливо [Бобчев, 1906: 3].

Конкретные сведения о наличии в кыпчакском обществе судов и судей и как они взаимодействовали с венгерскими властями имеются в венгерских хрониках XIII в. Так, в 1279 г. венгерский король Ласло IV Кун (правил с 1272 по 1290 г.) был вынужден признать так называемые Половецкие законы, нормы которого были призваны принизить господствующее в венгерском обществе положение куманов. В целом же законы были направлены на христианизацию куманов, запрет кочевать, поселение их на специально отведенных землях, наподобие резервации. По этой причине об обычаях кыпчаков, в том числе правовых, какие-либо конкретные сведения почерпнуть из этих законов практически невозможно, кроме того, что у них правосудие вершили собственные судьи.

До принятия законов, при предшественнике Ласло IV — Беле IV, в правовом отношении куманы были подчинены палатину (высшая после короля государственная должность в Венгерском королевстве), который разбирал тяжбы между венграми и куманами. Судебное разбирательство происходило при участии судьи (или старшины) куманского племени, из которого был истец или ответчик. С принятием законов все уголовные дела среди куманов изымались из подсудности палатина и передавались исключительно в ведение куманских судей. Дело должно было рассматриваться судьей только того племени, к которой относился ответчик. В случае, если стороны были недовольны решением такого суда, они имели право обратиться лично к королю. Осужденный на смерть мог просить милости у самого короля, тогда смертная казнь могла за-

меняться на изгнание из страны. Находясь вне пределов венгерского государства, осужденный имел право вновь просить короля о помиловании. Но если куманская знать по какой-либо причине тут же просила о помиловании осужденного, то король милостивал, а преступника не изгоняли. В таком случае преступник из своего имущества должен был вознаградить потерпевших [Голубовский, 1889: 17–18]. По логике вещей и учитывая довольно поверхностную и далеко не повсеместную христианизацию куманов, внутри куманского общества правосудие должно было происходить по древним языческим обычаям. Надо полагать, что преемственность в этом плане еще была практически полной. Думать о том, что судьи в кыпчакском обществе могли появиться только под влиянием других, более «цивилизованных» народов было бы в корне неверно.

Заключение

Изложенное позволяет сделать вывод, что в кыпчакском обществе применялись четко обозначенные наказания за конкретные преступления. Вместе с тем в кыпчакском уголовном праве имелись свои специфические особенности. Так, не считались преступлениями некоторые деяния, которые по логике вещей должны являться таковыми, в частности карымта (убийство из кровной мести) и барымта (угон скота у недружественного племени (особенно ответная барымта)). В целом, право у кыпчаков было более разработанным, чем об этом свидетельствуют письменные источники, констатирует Б. Е. Кумеков, скрупулезно и разносторонне изучивший историю кыпчаков. В этом отношении, пишет он, любопытно заявление кыпчака султана Бейбарса монгольскому правителю Абага хану о том, что «наша (кыпчакская) Яса превыше Ясы Чингисхана» [Кумеков, 2006: 477].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ата-мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М. : Магистр-Пресс, 2004. 690 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 382 с.

Бобчев С. С. Обычай и закон (Страницы из «Древнеболгарского права»). СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1906. 16 с.

Гаркавец А. Письменное наследие. Т. II: Памятники духовной культуры караимов, кумано-половцев, армяно-кыпчаков. Алматы : KASEAN; БАУР, 2007. 912 с.

Голубовский П. Половцы в Венгрии. Исторический очерк. СПб. : Типография Императорского университета св. Владимира, 1889. 29 с.

Еникеев З. И., Еникеев А. З. История государства и права Башкортостана. Уфа : Китап, 2007. 432 с.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л. : Наука, 1974. 727 с.

Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 336 с.

Иловайский Д. И. О славянском происхождении дунайских болгар // Русский архив. 1874. №7. С. 55–173.

История Казахстана в арабских источниках. Т. I : Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 709 с.

Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

Кумекоев Б. Е. Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань : Изд-во РухИЛ, 2006. С. 472–488.

Плетнева С. А. Половцы. М. : Наука, 1990. 208 с.

Почкаев Р. Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2020. № 8 (4). С. 737–752.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга вторая. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 287 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1946. 316 с.

Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань : Фэн, 2002. 412 с.

Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. Т. 8. М. : Вост. лит., 2002. 510 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М. : Наука, 1968. 177 с.

Урманчеев Ф. И. Героический эпос татарского народа. Казань : Татарское кн. изд-во, 1984. 312 с.

Урманчеев Ф. И. Эпические сказания татарского народа. Сравнительно-исторические очерки. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1980. 120 с.

Хачатуров Р. Л. Становление права (на материале Киевской Руси). Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1988. 262 с.

Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М. : Госюриздат, 1957. 304 с.

Шафарик П. Славянские древности. Часть историческая. Т. II, кн. I. М. : Университетская типография, 1847. 454 с.

Алпамша. Древняя татарская литература. Казан : Татарстан китап нәшрияте, 1963. С. 37–46 (на татарском языке).

Кашгари М. Сузлегендәге мәкалләр һәм әйтемнәр (Пословицы и поговорки в словаре М. Кашгари). Борынгы татар фольклор мәсәлэләре. Казан : СССР Фәннәр академиясе Казан филиалы, 1984. 110–142 б. (на татарском языке).

REFERENCES

Ata-melik Dzhuveyni. *Chingiskhan. Istoriya zavoyevatelya mira* [Genghis Khan. The story of the conqueror of the world]. М.: Magistr-Press, 2004. 690 s. (in Russian).

Bichurin N. Y. (Iakinfi). *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevneyshiyey vremena* [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Т. I. М.; Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 382 s. (in Russian).

Bobchev S.S. *Obychay i zakon. (Stranitsy iz “Starobolgarskogo zakona”)* [Custom and law. (Pages from “Old Bulgarian Law”)]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1906. 16 s. (in Russian).

Garkavets A. *Pis'mennoye naslediyе. Tom II. Pamyatniki dukhovnoy kul'tury karaimov, kuman-polovtsev, armyano-kipchakov* [Written heritage. Volume II. Monuments of the spiritual culture of the Karaites, Kuman-Polovtsians, Armenian-Kipchaks]. Almaty: KASEAN; BAUR, 2007. 912 s. (in Russian).

Golubovskiy P. *Polovtsy v Vengrii. Istoricheskiy ocherk* [Polovtsy in Hungary. Historical sketch]. Printing house of the Imperial University of St. Vladimir, 1889. 29 s. (in Russian).

Enikeev Z. I., Enikeev A. Z. *Istoriya gosudarstva i prava Bashkortostana* [History of the state and law of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2007. 432 s. (in Russian).

Zhirmunskiy V. M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos Izbrannyye proizvedeniya* [Turkic heroic epic. Selected Works]. L.: Nauka, 1974. 727 s. (in Russian)

Zhirmunskiy V. M. *Skazaniye ob Alpamyshe i bogatyrskaya skazka* [The legend of Alpamysh and the heroic tale]. M.: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960. 333 s. (in Russian).

Ilovayskiy D. I. O slavyanskom proiskhozhdenii dunayskiykh bolgar [On the Slavic origin of the Danube Bulgarians]. “*Russkiy arkhiv*” [Russian archive]. 1874. № 7. S. 55–173 (in Russian).

Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Tom I. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V. G. Tizengauzenom [History of Kazakhstan in Arabic sources. Volume I. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works collected by V. G. Tiesenhausen]. Almaty: Dayk-Press, 2005. 709 s. (in Russian).

Kychanov Ye. I. *Istoriya prigranichnykh s Kitayem drevnykh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [The history of ancient and medieval states bordering on China (from the Huns to the Manchus)]. 2-ye izd., ispr. i dop. SPb.: Peterburgskoye lingvisticheskoye obshchestvo, 2010. 364 s. (in Russian).

Kumekov B. Ye. Kypchaki: khozyaystvo, obshchestvennyy stroy, plemennyy sostav [Kypchaks: economy, social structure, tribal composition]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. Tom II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step*. Kazan': Izd-vo RukhIL, 2006. S. 472–488 (in Russian).

Pletneva S. A. *Polovtsy* [Polovtsy]. M.: Nauka, 1990. 208 s. (in Russian)

Pochekayev R. Y. K istorii yuridicheskoy nauki v Zolotoy Orde [To the history of legal science in the Golden Horde]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review]. 2020. № 8 (4). S. 737–752.

Rashid-ad-din. *Sbornik letopisey. T. 1. Kniga vtoraya* [Collection of chronicles. T. 1. Book two]. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 287 s. (in Russian).

Rashid-ad-din. *Sbornik letopisey. T. III* [Collection of chronicles. T. III]. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1946. 316 s. (in Russian)

Sadri Maksudi Arsal. *Tyurkskaya istoriya i pravo* [Turkic history and law]. Kazan': Fen, 2002. 412 s. (in Russian)

Syma Tsyant'. *Istoricheskiye zapiski: Shi tsi. T. 8.* [Historical Notes: Shi Ji. T. 8.] M.: Vost. lit., 2002. 510 s. (in Russian)

Taskin V.S. *Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam)* [Materials on the history of the Xiongnu (based on Chinese sources)]. M.: Nauka, 1968. 177 s. (in Russian).

Urmancheyev F.I. *Geroicheskiy epos tatarskogo naroda* [Heroic epic of the Tatar people]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1984. 312 s. (in Russian)

Urmancheyev F.I. *Epicheskiye skazaniya tatarskogo naroda. Sravnitel'no-istoricheskiye ocherki* [Epic legends of the Tatar people. Comparative historical sketches]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1980. 120 s. (in Russian).

Khachaturov R.L. *Stanovleniye prava (na materiale Kiyevskoy Rusi)* [Formation of law (based on the material of Kievan Rus)]. Tbilisi: Izd-vo Tbil. un-ta, 1988. 262 s. (in Russian).

Shargorodskiy M.D. *Nakazaniye po ugovnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva* [Punishment under the criminal law of an exploiting society]. M.: Gosyurizdat, 1957. 304 s. (in Russian).

Shafarik P. *Slavyanskiye drevnosti. Chast' istoricheskaya* [Slavic antiquities. The part is historical. T. II. Book. I.] T. II. Kn. I. M.: Universitetskaya tipografiya, 1847. 454 s. (in Russian).

Alpamsha [Alpamsha]. *Drevnyaya tatarskaya literature* [Ancient Tatar literature]. Kazan', 1963. S. 37–46 (in Tatar).

Kashgari M. *Suzlegendäge məkallər həm əytemnər* [Proverbs and sayings in M. Kashgari dictionary]. *Boryngy tatar fol'klor məsələləre*. Kazan: SSSR Fənnər akademiyase Kazan filialy, 1984. 110–142 b. (in Tatar).

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

Принята к публикации 02.08.2021

Дата публикации 20.09.2021